

Наш СОБЕСЕДНИК

Народный артист РСФСР
Сергей БАЛАШОВ

ЧИТАТЕЛЬ нашей газеты И. И. Миллер, шофер колхоза имени Ленина Серебряно-Прудского района, прислал в редакцию письмо: «Прочитал недавно книгу «180 дней в огне. Из записок командарма 62». Ее написал наш земляк, уроженец Серебряно-Прудского района, Маршал Советского Союза Василий Иванович Чуйков. Обратил внимание на такие строки: «К нам в Сталинград приезжал артист Сергей Михайлович Балашов. На свои сбережения он купил танк и подарил его Советской Армии. В Сталинграде для бойцов Балашов дал ряд концертов. Его выступления воодушевляли защитников Сталинграда. Я был на концерте и видел, с какой благодарностью бойцы встречали этого человека».

Имеются высказывания Василия Ивановича об этом артисте и в другой книге «Музы на фронте» Б. Филиппова, где приводятся слова маршала из его выступления в Центральном Доме работников искусств: «Балашов был первым из артистов, прибывших в нашу 62-ю армию. Он приехал к нам, владея оружием художественного слова, проникнутого идеями высокого патриотизма. Немцы владели отличной техникой, но против того, чем располагал Балашов, оружия у них не было...».

Очень хотелось бы, чтобы газета поподробнее рассказала об этом артисте, о его жизни и работе, и вообще об «оружии художественного слова».

Корреспондент «Ленинского знамени» встретился с народным артистом Российской Федерации С. М. Балашовым. Предлагаем читателям запись беседы с ним.

Искусство
переднего
к р а я

— Сергей Михайлович, если у вас нет возражений, хотелось бы начать разговор вот с какого неслыханного вопроса. Что же такое «художественное чтение»? Ведь имеется немало неискушенных людей, которые рассуждают примерно так: «А разве я сам не в состоянии взять книгу и громко прочитать какое-нибудь понравившееся мне стихотворение, рассказ, прочесть с чувством, с выражением?». Однако есть, видимо, в самой природе художественного чтения как одного из жанров искусства нечто свое, важное, принципиально значимое, что отличает его от обычного чтения вслух, доступного любому грамотному человеку?

— Обратимся к примеру из смежной области искусства. Представьте себе, что на афишах объявлено об исполнении пятой или девятой симфонии Бетховена. И тут же крупным шрифтом указывается имя того, кто будет дирижировать этим произведением. Так вот, приехавший к нам на гастроль какой-нибудь знаменитый немецкий дирижер делает это совсем не так, как это делает его маститый коллега из Франции или, положим, наш великолепный ленинградец Мравинский.

Суть вся в том, что каждый из дирижеров даст в концерте свое «прочтение», свое художественное истолкование творения гениального композитора.

— Мысль ваша, в общем, ясна. Но хорошо бы привести пример поконкретнее, имеющий более близкое отношение к области художественного слова.

— Можно. Шекспира играют веками, каждое его слово на слуху, все здесь, казалось бы, известно. Но вот артист вопреки общепринятым канонам играет Гамлета не пришибленным эпохой, мятущимся в своих сомнениях и обидях мучеником, а раскрывает его как человека, который борется против несправедливостей этой эпохи. И вместо того, чтобы задавать себе вопрос «быть или не быть?» с привычным для традиционного принца Датского меланхолическим упором, ударением на слова «не быть», актер этот всем своим внутренним мироощущением, всей логикой развития характера провозглашает «быть!». И в этом жизнеутверждающем «быть!» — ключ творческой интерпретации артиста.

Вот в таких именно параметрах складывалась творческая практика выдающихся наших мастеров художественного чтения Александра Закушняка, Владимира Яхонтова, Антона Шварца и других, каждый из которых вкладывал свое индивидуальное мышление, свои гражданские и эстетические критерии в художественное раскрытие хорошо знакомого читателям произведения.

Возвратимся к вашему вопросу: конечно же, каждый человек и сам может прочитать вслух это произведение и испытать при этом живое удовлетворение от приобщения к творческому миру большого писателя. Но артист при этом ставит перед собой задачу шире, глубже.

— Вы не могли бы тут сослаться на собственную практику, на личный опыт?

— То, что говорилось выше о различных трактовках образа Гамлета, как раз и имеет самое непосредственное отношение к моей работе. «Быть!» — это девиз моего Гамлета. Или вот, скажем, объявляют, что Балашов будет читать «Шинель» Николая Васильевича Гоголя, и я заранее знаю, что кто-то из моих слушателей невольно подумает: «Да я с детских лет знаю и Акакия Акакиевича, и портного, и «значительное лицо», которое распекало Башмачкина, и про чиновничий Петербург мы

еще в школе проходили». Но ведь все это когда было, может быть, после школы человек больше и не возвращался к бессмертному произведению.

Поэтому перед артистом стоит задача прочитать ту же «Шинель» с позиций современности, раскрыв ее именно для аудитории 1978 года и так, чтобы, не переставляя никаких слов, вскрыть в повести все подтексты и внутренние нюансы. Чтобы слушатели сказали себе: «а мы этого у Гоголя не знали, упустили...».

Вот к этому в конечном счете и сводится задача мастера художественного чтения. А в чисто эмоциональном плане очень многое зависит от того разнообразия красок человеческого голоса, которыми располагает тот или иной артист, от его жеста и мимики, пластической выразительности, помогающих ему раскрыть сценическими средствами характеры своих героев.

...Он подходит к рампе решительным шагом человека, которому необходимо рассказать собравшимся в зале о чем-то очень важном, волнующем. Ни партнеров, ни декораций — все воображаемое, все должно быть воспроизведено в сценических образах фантазией, мастерством и убежденностью чтеца. Он, и только он, донесет до аудитории пламенное слово поэта-трибуна Владимира Маяковского, нежную лирику Сергея Есенина, священный патриотизм бессмертного «Слова о полку Игореве». Люди разных эпох, характеров, социальных и человеческих особенностей предстают перед нами в спектаклях «Театра одного актера». В его репертуаре — Пушкина и Салтыкова-Щедрина, Горький и Алексей Толстой, Шолохов и Самед Вургун... Но есть одно имя, которое особенно дорого и близко — Валашову, — Владимира Маяковского.

— Почему? — переспрашивает Сергей Михайлович. — Для этого надо вернуться почти на полвека назад. Для меня это как день рождения, он не забывается — 17 марта 1930 года. Ленинград. На сцене филиала Большого драматического театра шла «Баня». Я играл тогда Победоносикова. Можете себе представить мое состояние: один из первых спектаклей, можно сказать премьеры, и в зале сам автор пьесы. Народу в зале было полно, а мне казалось, что там только он один, Маяковский. Отлегло только тогда, когда Владимир Владимирович пришел после спектакля за кулисы и пожал мне руку... Творчество Маяковского, художника и гражданина, во многом определило мою актерскую судьбу.

— Но все же как случилось, что вы, по тем временам уже довольно опытный драматический артист, играли на сценах Перми, Уфы, Ленинграда и вдруг оставили театр и целиком посвятили себя искусству художественного чтения?

— Нужно вспомнить, какое это было время. Начало тридцатых годов. Лозунг «Пятилетку — в четыре года!» не сходил со страниц газет, им жила вся страна. Новые слова: Днепрогэс, Кузбасс, Турксиб, Магнитка — звучали повсюду. Именно тогда я стал чувствовать: вне гражданской темы в такое время не может быть искусства, оно должно реально помогать народу. В таком душевном состоянии приступил я к работе над своей первой литературной композицией. Она называлась «Турксиб» и была посвящена трудовому подвигу покорителей пустыни, проложивших в труднейших условиях железную дорогу, соединившую республику Средней Азии с Сибирью. С этой программой я выступал на фабриках и заводах, в рабочих поселках и деревнях, на лесозаготовках. Потом подготовил новые композиции «Письмо ленинградского пролетариата» и «ЧТЗ», посвященную строителям Челябинского тракторного завода. В тесном общении с рабочей аудиторией

я по-настоящему ощутил, какую большую силу таит в себе живое, согретое сердцем слово, и тогда убедился, что сделал правильный шаг, перейдя из театра на эстраду.

— Можно себе представить, какой силой было такое слово на фронте. Говорят, вы провели более тысячи выступлений в частях действующей армии.

— Было такое. Концерты наших артистических бригад проходили у пехотинцев и танкистов, артиллеристов и летчиков, моряков и саперов. Однажды на Северном флоте выступали на подводной лодке, атаковавшей германский линкор «Тирпиц». Его командовал капитан второго ранга Лукин, большой любитель искусства. Прямо у торпедных аппаратов, служивших импровизированной сценой, читал я морякам стихи Маяковского. На торпед № 6 я надписал почерком поэта его фамилию. А спустя несколько дней, когда подводная лодка была на очередном выходе, в Баренцевом море, с ее борта пришла на базу радиобригада: «Бригадиру фронтовой бригады Сергею Балашову. Автограф Маяковского доставлен адресату водоизмещением шесть тысяч тонн. Николай Лукин».

— А какое из выступлений мирного времени вам особенно запомнилось?

— Оно состоялось 30 лет назад, в июне 1948 года, в Шушенском, где когда-то отбывал сибирскую ссылку Ленин. Местные жители собрались около домика-музея, где жили Владимир Ильич и Надежда Константиновна Крупская. Здесь я читал им поэму Маяковского «Владимир Ильич Ленин», с которой до этого выступал во многих городах и концертных залах. Но не припомню за долгие десятилетия случая, когда бы так остро ощутил волнующий до глубины души контакт со слушателями, как в тот незабываемый шушенский день.

— Сергей Михайлович, вся практика вашего «Театра одного актера», видимо, представляется очень широкое поле для творческого самовыражения артиста?

— Несомненно. Сам для себя составляю тексты литературных композиций, сам выступаю в качестве режиссера, музыкального оформителя и даже собственноручно изготавливаю сценический реквизит для своих спектаклей.

— У нас в Подмоскovie широко развита клубная художественная самодеятельность. Проходящий недавно фестиваль народных талантов показал, что многие из них всерьез увлекаются художественным чтением. Что бы вы могли сказать в адрес молодых коллег, пробующих свои силы в жанре художественного чтения?

— Я и сам, к слову сказать, начинал в художественной самодеятельности. В разные годы мне не раз доводилось участвовать в качестве члена жюри в различных конкурсах и смотрах самодеятельных чтецов. К кому из них у меня обычно лежала душа? К тем, кто имел хотя бы в зачатке собственный «голос», а не подражал испытанным образцам профессиональной эстрады. К тем, кто ищет собственные индивидуальные приемы сценической выразительности и проявляет добрый вкус в подборе содержательного, оригинального репертуара.

— И в заключение расскажите, пожалуйста, Сергей Михайлович, о вашей последней программе, о дальнейших планах.

— Задуман цикл композиций, в которых, образно говоря, хочется протянуть руку дружбы национальным литературам стран социалистического содружества. Уже закончена работа над первым из этих спектаклей с несколько необычным названием «Мальчик резвый, кудрявый, влюбленный». В основе его — произведения известного сербского писателя Бранислава Нушича, с удивительной социальной остротой и тонким юмором разоблачавшего лицемерие и ханжество современного ему буржуазного общества. В дальнейшем в «Театре одного актера» предполагается премьеры литературных композиций по произведениям писателей Болгарии и Польши.

Беседу вел
А. АМАСОВИЧ.